

группу образуют росписи алтарной апсиды (работа главного мастера — армянина-халкидонита) и северной и южной стен (работа грека или армянина-халкидонита), исполненные художниками, приехавшими из Византии. Ко второй стилистической группе относятся остальные росписи, выполненные грузинскими живописцами.

В итоге А.М. Лидов, изучавший памятник непосредственно на месте в 1985 — 1989 гг., делает тактичный, на мой взгляд, вывод: "В целом росписи Ахталы не могут быть отождествлены с какой-либо художественной традицией. Они могут быть правильно поняты только как памятник искусства армян-халкидонитов, своеобразно сочетающего элементы армянской, грузинской и византийской культур" (с. 115).

До появления этой монографии наши сведения об Ахтале были самые общие, историко-культурное значение памятника было не очень ясно.

Теперь мы имеем первое комплексное монографическое исследование памятника. Значение книги А.М. Лидова очевидно — вводится в научный оборот первоклассный уникальный памятник начала XIII в. относительно хорошей сохранности. Росписи Ахталы дают счастливую возможность сравнить отдельные стилистические манеры и две художественные традиции, а это помогает глубже понять своеобразие и византийской, и грузинской монументальной живописи начала XIII столетия. Стенопись Ахталы, несомненно, займет подобающее ей место в ряду лучших произведений восточно-христианского искусства.

Монография А.М. Лидова дает богатый материал для изучения, сопоставления, уточнения предположений и выводов автора. Издание ее на английском языке, конечно, значительно расширяет круг лиц, которые могут детально ознакомиться с интересным памятником.

А. Я. Каковкин

Курбатов Г. Л. Ранневизантийские портреты: к истории общественно-политической мысли. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. 272 с.

Сразу же хотелось бы отметить, что содержание новой монографии Г.Л. Курбатова значительно шире, нежели ее название, ибо в ней рассмотрен практически весь комплекс проблем, связанных с ранневизантийской государственностью. В книге дана своя стройная концепция византийского общества IV—VI вв., которое автор, обогатив свою ранее выдвинутую теорию¹ новыми доводами, последовательно определяет как позднеантичное. Написана монография на материале пяти биографий: Ливания, Иоанна Златоуста, Синесия Киренского, Прокопия Кесарийского и Юстиниана. При всем том, что в этом перечне несколько выпадает император Юстиниан и есть касающиеся V в. лакуны, Г.Л. Курбатову нельзя отказать в последовательности и логичности в создании концепции специфики ранневизантийской государственности и отношения к ней тех, кто в той или иной степени сам вкладывал лепту в ее создание.

Книга состоит из введения, семи глав и заключения. Во введении исследователь, полемизируя с теорией позднеантичной монархии как прямого порождения упадка античного полиса, отрицает гипертрофированные размеры бюрократизации империи и подчеркивает важную роль города и в период IV—VI вв. По его вполне убедительному мнению, централизованные структуры прямого государственного управления в значительной мере являлись надстройками над массой сохранявших элементы самоуправления городских общин, которые вполне реально осуществляли часть непосредственно управленческих функций как по отношению к городу, так и его сельской округе (с.6—7). Исходя из этого, Г. Л. Курбатов акцентирует свое внимание на преобладании в общественном развитии ранней Византии тенденции не к разрыву, а к преемственности.

Преемственность как главную черту выделяет автор и в истории общественно-политической мысли Византии IV—VI вв. Он, в частности, уделяет большое внимание ее предистории, емкий очерк которой дан в главе I "К истории политической идеологии и теории ранней Византии". Г.Л. Курбатов справедливо отмечает, что политические теории ранней Византии, как и всей античности на протяжении ее существования, имеют в качестве исходной базы те теории и тот понятийно-категориальный аппарат, который выработала эпоха классической античности (с.18).

Представляется, однако, дискуссионной гипотеза автора о преобладающем значении в политической теории римских основ и традиций, во-первых, потому, что истинная романизация

©А.А. Чекалова, 1998

¹ См., например: Курбатов Г. Л. К проблеме перехода от античности к феодализму в Византии // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1980. Вып.3. С. 3—21; Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Город и государство в древних обществах. Л., 1982. С. 56—77; Они же. Византия: проблемы перехода от античности к феодализму. Л., 1984; Они же. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Л., 1986. С. 100—197.

греческого Востока, который до этого жил вполне самостоятельно, началась после перенесения столицы в Константинополь и встречи здесь достаточно серьезное сопротивление, а во-вторых, потому, что, как справедливо отмечает и сам Г.Л. Курбатов, на формирование римских политических теорий оказали несомненное влияние эллинистические концепции (с. 32—33), а те, в свою очередь, развивались не без огромного влияния на них устойчивых традиций эллинского полиса (с. 25).

Показательно также, что монархические теории эпохи принципата активно разрабатывались именно греками: Дионом Хрисостомом, Плутархом, Филостратом и т.д. Все они писали и думали по-гречески. Почему бы не рассматривать политическую греческую мысль IV в. как результат ее собственного развития, пусть обогащенного влиянием Рима и Востока, а не как в основе римскую с известным влиянием на нее античных и эллинистических традиций?

Последовательно рассматривается автором рождение идеала христианского императора и концепции идеального византийского государства, которая, как справедливо отмечает Г.Л. Курбатов, имела своей исходной базой античные теории идеальной полисной государственности, "священной" римской державы, гармонии и мудрости ее политического устройства, ныне освященной ее подобием божественному порядку, идеальному и совершенному (с. 46).

Отмечая различие общественно-религиозной концепции Запада и Востока, исследователь подчеркивает "оптимизм" византийской теории общества, веру в возможность достижения гармонии в общественных отношениях.

Анализируя языческую оппозицию, Г.Л. Курбатов вполне резонно приходит к выводу, что она исходила из традиционной шкалы полисно-государственных ценностей и критериев: при том, однако, оппозиция, по наблюдениям автора, боролась не за возврат к прежним порядкам и институтам, не за изменение существующей системы государственного управления, а за ее ориентацию.

Постулируя тот факт, что политическая оппозиция IV—V вв. все более принимала религиозную окраску, исследователь вместе с тем тонко подмечает чрезвычайные абсолютизации в науке антитезы "христианин - язычник", ибо, хотя принадлежность к язычеству служила явным индикатором убежденной приверженности к традиционным ценностям, однако, немало было в IV—V вв. лиц, для которых христианство являлось лишь немного большим, чем дальнейшее продолжение традиционного государственного культа и воспринималось преимущественно как таковое (с. 49). Этим обстоятельством Г.Л. Курбатов объясняет наличие внутри господствующего класса Византии этого периода широкого круга лиц, связанных с весьма узкой прямой языческой оппозицией.

Глава II монографии "Последний идеолог

муниципальной аристократии — Ливаний (314—393)" посвящена "феномену" этого не только великого мастера красноречия, но и видного общественно-политического деятеля. Исследователь резонно отказывается видеть в Ливании человека, оторванного от действительности, политические идеалы которого лежали за ее пределами — в классической древности и эпохе эллинизма. Идеалом ратора, справедливо считает автор, был полис недавнего прошлого, когда римская государственность гарантировала городу значительную внутреннюю автономию, а муниципальной аристократии — стабильное господство. Г.Л. Курбатов полемизирует с теми исследователями, которые видят в Ливании человека с узким кругозором, "копающимся" в мелких конфликтных ситуациях, и вполне убедительно показывает, что при всей привязанности ратора к конкретным сюжетам ему было свойственно четкое общественно-политическое отношение к событиям, обобщенное их восприятие и оценка их значения.

Автор показывает, что в основе как речей Ливания, так и его деятельности, лежит четкая, до деталей продуманная концепция защиты традиционных полисных структур. При этом Г.Л. Курбатов с основанием подмечает, что консерватизм ратора был не слепым, но, напротив, вполне реалистичным, поскольку деформация полисной системы, на взгляд Ливания и многих его современников, была еще исправима.

В этом же русле проанализировано автором и язычество Ливания, которое отнюдь не дает права смотреть на ратора как на лишенного трезвого взгляда идеалиста. Нельзя не согласиться здесь с Г.Л. Курбатовым, который утверждает, что идея "триумфального шествия" христианства достаточно упрощена и что значительное число обращенных продолжало оставаться "полуязыческим" (с. 59).

Тут, пожалуй, уместным будет добавить, что немало в этот период было и откровенных язычников, причем даже в верхних эшелонах власти. Имелись они и в окружении такого ревнителя христианства, каким был Феодосий I. Достаточно сказать, что его префектом претория Востока в 388—392 гг. являлся друг Ливания — язычник Татиан, а пост префекта города Константинополя занимал тогда сын Татиана — Прокл, о котором известно, что он отправлял языческий культ в Гелиополе². В этой связи благосклонное отношение Феодосия к Ливанию, причина которого представляется Г.Л. Курбатову труднообъяснимой (с. 54—55), отнюдь не выглядит неким исключением.

В той же главе на материале творчества Ливания автором развернуты и конкретизированы

² См.: Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge, 1971. Vol. 1. (Далее: PLRE. 1.) P. 876—878; Tatianus 5; 746—747; Proculus 6.

высказанные в предшествующих разделах работы соображения относительно специфики полиса и системы внутриполисных отношений. Г. Л. Курбатов подчеркивает известную "консервативность" структур и отношений в восточно-римском городе вплоть до середины IV в. — времени, с которого идет нарастание противоречий между курией и демосом, ведущих к упрочению власти и авторитета государственной администрации. Развитию государственных структур, как показано в монографии, благоприятствовало и стремление части плебеев к государственной службе, которая при отсутствии условий для создания богатой торгово-ростовщической верхушки являлась по существу единственным средством для социального возвышения.

Последняя четверть века, как показано в монографии, характеризуется ускорившимся обеднением и разорением части плебейского населения, что вызвало к жизни, с одной стороны, качественно новый уровень постановки проблемы благотворительности, а с другой — невиданное по масштабам умножение роста монашества. Но значительно важнее, по справедливому замечанию исследователя, была та интенсивная консолидация массы плебейского населения, которая позволила ему противостоять и усилившемуся давлению со стороны куриалов, и государственной администрации (с. 94).

Главным же итогом эволюции политических отношений в восточно-римском городе, делает вывод автор, оказалось то, что было подорвано господство муниципальной аристократии (там же). Вместе с тем Г. Л. Курбатов, конкретизируя этот уже устоявшийся в науке тезис, справедливо считает, что не следует преувеличивать степень упадка муниципальной знати, ибо в ее среде, наряду с сокращением численности куриалов, разорением и обеднением значительной их части, имели место процессы изменения структуры сословия, концентрации имущества и силы в руках узкой его верхушки, роль которой в городской жизни не падала, а возрастала.

При этом автор полагает, что бывшая мощь куриалов трансформировалась и в ту степень влияния, которое приобрела вышедшая и выходившая из их рядов (преимущественно куриальной верхушки) весьма значительная часть имперской знати (с. 95).

Этот тезис исследователя требует, на наш взгляд, серьезной корректировки, ибо при всем том, что сходство сенаторского сословия ранней Византии с куриальным достаточно ощутимо, проводниками влияния муниципальной знати на сенаторскую аристократию, как свидетельствуют данные просопографии, оказывались в IV в. не столько сами куриалы и тем более не их верхушка, а представители свободных профессий³.

В главе III "Иоанн Златоуст (341—407)" автор задался целью выявить моменты социальной обусловленности взглядов и деятельности знаменитого проповедника. Глава распадается на две части. В первой из них Г. Л. Курбатов прослеживает, каким образом отражалась во взглядах Иоанна Златоуста специфика развития социальных отношений в восточно-римском городе, во второй — каким образом эта специфика преломлялась в практике церкви.

Осуществив здесь сравнительный анализ взглядов Ливания и Иоанна, исследователь приходит к любопытному заключению о значительной общности (при бесспорной разнонаправленности) взглядов выдающегося язычника и выдающегося христианина и акцентирует внимание на многих точках соприкосновения в их мировоззрении. Это касается, в частности, свойственного тому и другому полисного патриотизма, общей оценки состояния и социальных отношений в нем: взглядов на рабство, на процессы, происходившие в деревне, на рост крупного землевладения и т. д.

Радикализм христианских взглядов Иоанна Златоуста, по мнению Г. Л. Курбатова, имел те же корни, что и радикализм Ливания — в растущей неустойчивости положения средних собственников, в среде которых они сами принадлежали (с. 112).

Исследователь справедливо заключает, что Иоанн Златоуст в оценке условий и тенденций социального развития ставит во главе угла концепцию христианского города, христианской семьи как важнейшей ячейки общества. По существу это есть христианизированный античный полис, преобразованный через христианскую семью (с. 121).

Во второй части этой главы монографии автор анализирует деятельность Иоанна Златоуста на посту константинопольского патриарха, которую он рисует как целеустремленную борьбу за централизацию и подъем церкви столицы империи — будущей великой церкви Константинополя. Г. Л. Курбатов показывает, как Златоуст заложил основы аппарата и структуры константинопольского патриархата, осуществил мобилизацию церковных доходов, резко сократил расходы на нужды клира, развернул широкую благотворительную деятельность. Кроме того, как справедливо отмечает исследователь, фактически с Иоанна Златоуста начинается развертывание комплексной по характеру, длительной и целеустремленной церковной дипломатии, последовательной и организованной миссионерской деятельности. Таким образом, заключает автор, великий проповедник в известной степени стоял у истоков церковной дипломатии, византийской ее практики как постоянной деятельности церкви (с. 127).

Анализируя проблему необычайной популярности Иоанна Златоуста, исследователь считает упрощением видеть ее причины лишь в таланте проповедника, критике Иоанном верхов

³ См.: Чекалова А. А. Константинопольский сенат и сословие куриалов в IV в. // ВВ. 1992. Т. 53. С. 20—35.

общества или его широкой благотворительности. Сила его влияния, по мнению Г. Л. Курбатова, заключалась в том, что он реально оценивал положение и устремления массы населения, завоеванное ею право, в какой-то мере признанное, на активное участие в религиозной жизни, сопоставимое с той ролью, которую она играла в политической жизни ранневизантийского общества.

В главе IV "Провинциальный аристократ Синесий (370—413/414)" автор показывает ту реальную власть, которой обладала в провинции куриальная знать, и выявляет высокую степень зависимости от нее и ее интересов церковной организации. Г. Л. Курбатов прослеживает в произведениях Синесия определенные черты программы провинциальной аристократии, заинтересованной, с одной стороны, в сильной императорской власти, с другой — в сохранении достаточно сильных элементов самоуправления, проявившегося в том числе и во влиянии муниципальной знати на деятельность имперской администрации.

Вместе с тем представляется спорным тезис автора о том, что Синесий принадлежал к той самой узкой куриальной верхушке, которую и критиковал Ливаний за ее своекорыстную позицию, пренебрежение общими интересами сословия и курии, грабеж и угнетение более бедных куриалов (с. 140). Произведения Синесия скорее дают основания предполагать, что он, приданности своего рода, принадлежал не к богатейшим принципалам, а к лицам среднего достатка, горячо и искренне отстаивавшим интересы своего сословия, ради которых он в значительной степени и принял сан епископа.

Также дискуссионным представляется утверждение Г. Л. Курбатова, что материал Синесия в сравнении с данными Ливания позволяет говорить «об определенной степени прямых связей, взаимопроникновения и переплетения с сенаторским сословием, служилой знатью» отдельных семей провинциальной аристократии (с. 140—141). Дело в том, что подобных связей в семье Ливания было больше и были они более прочными. Уже дядя его Панолвий был в 336 г. правителем провинции, тетка его была замужем за видным военачальником эпохи Констанция II, двоюродный брат Спектат являлся нотариум: кроме того, ритор состоял в родстве с семьей префекта претория Востока 351—353 гг. Фалассия⁴. Между тем связи с имперской администрацией и двором у Синесия ограничивались следующими случаями: его сестра Стратоника была замужем за не продвинувшимся далеко по службе членом императорской гвардии, дядя Максимиан (неточно названный в монографии Максимином. — С. 140) служил (и то лишь со знаком вопроса) при дворе, а двоюродный брат Диоген являлся (опять лишь

предположительно) дуксом Верхней Ливии⁵. Что касается родственника Синесия, который, по утверждению Г. Л. Курбатова, был сенатором во втором поколении (там же), то таковой по источникам не известен. Возможно, речь идет о правителе провинции Героде, которого Синесий именует "ἄξιπρότατος" по своим предкам⁶. Однако этот термин в письмах Синесия означал не более, чем "куриал"⁷.

Три последних главы монографии "VI столетие", "Прокопий (490/507—562 гг.)", "Император Юстиниан (482—565) и его программа" органично связаны между собой и сводятся не просто к проблеме "Юстиниан и его историограф", но имеют целью показать обоснованность и даже закономерность как внутренней, так и внешней политики Юстиниана и ту консервативную, с точки зрения исследователя, оппозицию, которую она встретила.

Итогом социально-политического и экономического развития V в. явилось, как справедливо отмечает Г. Л. Курбатов, то, что к власти в городском самоуправлении пришли различные группы провинциальной знати, как старой муниципальной, так и новой — из числа местных собственников, разбогатевших на государственной службе (с. 180). При этом в монографии подчеркивается, что новая чиновно-служилая знать, в значительной степени плебейского происхождения (в восточных провинциях нередко не греко-римская, а местная), опиралась в городе на массу торгово-ремесленного населения, также в значительной степени туземного. С укреплением их положения, ростом недовольства и активности автор связывает стремительное распространение монофиситства (с. 180—181).

Оценивая политику предшественника Юстина и Юстиниана императора Анастасия I (491—518), Г. Л. Курбатов отказывается видеть в ней разумную альтернативу "расточительной" политике покорителя Запада, но вместе с тем признает, что она была обусловлена реальным положением Византии в эту эпоху. Это касается, в частности, опоры Анастасия на восточные провинции.

В отличие от ряда исследователей, считающих Анастасия родоначальником разумного курса на "разрыв" с Западом и превращение Византии в восточную монархию, автор считает его не антагонистом, а прямым предшественником Юстиниана в проведении жесткой авторитарной политики в отношении партий цирка, сената, религиозных течений.

При рассмотрении сущности политической

⁴ PLRE. I. P. 505—507; Libanius 1.

⁵ См.: *Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge, 1980. Vol. 2 (Далее: PLRE. II.)*. P. 1048: Synesius 1; 360: Diogenes 2; 1099: Theodosius 2; 1328: Stemma 34; PLRE. I. P. 572; Maximianus 3.

⁶ *Synes. Ep.* 38.

⁷ *Ibid. Ep.* 57; *Cp.*: PLRE. II. P. 551: Herodes 2.

концепции Юстиниана Г. Л. Курбатов подчеркивает программный ее характер, проявившийся как в завоеваниях на Западе, так и в его реформах. По мнению исследователя, программа Юстиниана была направлена на стабилизацию позднеантичных отношений, ослабление противоречий и консолидацию общества (с. 259). Автор отказывается видеть в завоеваниях на Западе попытку осуществления честолюбивой идеи возрождения Римской империи. Идеологическое оформление, утверждает он, не должно скрывать реальных целей, а именно того, что «присоединение западных областей должно было "укрепить" Византию в борьбе с варварским миром, прежде всего — с Ираном, что могло (при участии ортодоксальной церкви и населения Запада) создать более прочную базу для обеспечения преобладающего или "равновеликого" веса ортодоксального направления в самой Византии» (с. 259). Победы на Западе могли, полагает Г. Л. Курбатов, объединить под властью Юстиниана все те области античного мира, где еще были могущественны силы, тяготевшие к сохранению позднеантичных отношений. Возможно, это и так. Но, как известно, политика Юстиниана на Западе потерпела крах, а восточные области Византийской империи оказались совершенно беззащитными перед вторгшейся во главе с Хосровом иранской армией и испытали все ужасы бедствий беспощадной войны. Города в этих областях потеряли ощущение того, что являются частью единого государства, и, предоставленные сами себе, были вынуждены самостоятельно решать свои проблемы: не имперские государственные мужи, а их местная знать, а нередко и епископы выступали как их представители перед шахом.

Поэтому более чем дискуссионной представляется гипотеза автора о том, что правление Юстиниана отсрочило внутренний упадок государства на несколько десятилетий (с. 260).

Несмотря на бесспорность его социальной программы, в чем Г. Л. Курбатов безусловно прав, Юстиниан оказался неспособным ее осуществить и в немалой степени способствовал глубокому кризису, в котором оказалась империя в результате его правления.

Альтернативная программа политике Юстиниана рассмотрена исследователем на примере Прокопия Кесарийского. Здесь нам представляется плодотворной попытка автора связать позицию историка с политической традицией муниципальной аристократии (с. 203—204), а также подойти к критике Прокопием Юстиниана как к оформленной и осмысленной с позиции государственно-политической теории (с. 208). Не вызывает сомнений и утверждение автора, что идеалом Прокопия являлась аристократическая монархия античного типа. Однако едва ли можно в данном случае говорить о старой сенаторской аристократии, как это делает исследователь (с. 214) просто потому, что существование оной в Византии VI в. представляется достаточно проблематичным. Во всяком случае просопографический и терминологический анализ сочинений Прокопия свидетельствует о том, что, говоря о сенаторской знати, историк подразумевает аристократию, сформировавшуюся уже в собственно византийскую эпоху. Конечно, это была знать, в большей степени приверженная традициям греческого Востока, но все же это было иное социальное образование, нежели сенаторская аристократия римских времен, и генетически к ней не восходило.

В целом можно заключить, что работа Г. Л. Курбатов, несмотря на некоторую дискуссионность, а, может быть, именно благодаря ей, представляет собой интересное исследование, которое является существенным вкладом в изучение такого сложного и многообразного явления, каким является поздняя античность.

А. А. Чекалова

Laiou A. E. *Gender, Society and Economic Life in Byzantium* ("Variorum Reprints"). Hampshire: Brookfield: Variorum, 1992, X + 339 p., portr.

По праву завоевавшие популярность голубые сборники серии "Variorum Reprints" не похожи один на другой. Бывают книги, объединяющие под одной обложкой достаточно отдаленные сюжетно друг от друга статьи, которые объединяет лишь имя их автора. Они, несомненно, полезны, ибо избавляют читателя от необходимости искать в разрозненных, подчас труднодоступных или малотиражных журналах и изданиях интересующие публикации. Но наибольший успех выпадает все же на долю тех изданий рецензируемой серии, где статьи сборника тематически связаны между собой и, выстроенные в определенной логической последова-

тельности, развивают избранную автором научную проблему, являясь как бы главами монографического исследования, тема которого вынесена на обложку книги. Именно к такого рода удачным сборникам следует отнести и издание Variorum "Пол, общество и экономическая жизнь в Византии" директора Вашингтонского центра Дамбартон Оукс Ангелики Лайу. В центре интересов автора — экономическая роль различных социальных слоев поздневизантийского общества, место женщины в нем, семья как социально-экономической ячейки.

Первая половина сборника посвящена историко-демографической и социологической проблеме женщины и семьи в общественной структуре преимущественно палеологовской